

---

---

В. И. САМОХВАЛОВА

**СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ  
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ:  
СРЕДСТВА И ЦЕЛИ ПОРАЖЕНИЯ\***

В современном информатизированном мире господство над информационным пространством становится определяющим. Гибкость информационного оружия, его многоликость, многофункциональность, его способность сочетать в себе разные типы воздействия, разнообразно и привлекательно камуфлированные культурной формой, позволяют использовать его на разных уровнях и в разных средах: для укрепления власти, удобства управления, перераспределения общественного внимания и обработки его в нужном направлении. Как известно, «идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой», и потому часто именно от эффективности кампаний по обработке общественного мнения, по внедрению в него соответствующих идей и понятий зависит, какие именно идеи и ценности – вульгарный социал-дарвинизм или идеи добра и справедливости – становятся определяющими в сознании людей.

Официальным днем рождения информационных войн на Западе исследователями данного вопроса принято считать 18 августа 1948 г., когда Совет национальной безопасности США утвердил директиву 20/1 «Цели США в отношении России». Данная директива, впервые опубликованная в США лишь в 1978 г., в качестве составной части развязываемой холодной войны содержала войну информационную, и в ее тексте были отчетливо сформулированы главные цели: свести к минимуму силу и влияние Москвы; максимально ослабить Советский Союз в политическом, военном и психологическом отношении; поставить его в экономическую зависимость на достаточно унижительных условиях. Информационная часть этой программы должна была обеспечить координацию всех

---

\* Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 09-03-00299а.

средств по подавлению воли противника, подрыву его политических и экономических возможностей. При этом специально оговаривалось, что правительство США не несет ответственности за последствия своей политики, каковы бы они ни были в плане существенного ухудшения условий жизни в России<sup>1</sup>. Сама холодная война заслужила название «первой в истории человечества глобальной и всеобъемлющей войны нового типа»<sup>2</sup>, где главными средствами ведения этой мирной войны были средства идеологии, пропаганды, психологического воздействия.

Изложенные А. Даллесом принципы информационной войны были подтверждены и в более поздних документах. В 1970 г. американские аналитики констатировали: «Борьба за информацию столь же стара, как мир. Она является определяющей характеристикой человека»<sup>3</sup>. По признанию американских специалистов, информационные технологии позволяют обеспечить разрешение даже геополитических кризисов, не производя ни одного выстрела. Исследователь специфики информационных приемов Г. Г. Почепцов, не без оснований рассматривающий в качестве первой информационной операции известные «потемкинские деревни», считает, например, гибель СССР результатом большой спецоперации информационно-организационной войны: усиленному информационному давлению Советский Союз не смог организационно противопоставить соответствующих интеллектуальных средств противодействия<sup>4</sup>. Ныне набравший силу Запад, особенно после разрушения СССР, активно работает над перестройкой мира в собственных интересах, закрепляя свои позиции во всех *возможных* сферах противостояния (часто ушедшего в скрытые формы).

Целью организационно-информационной агрессии были качественное изменение традиционной культурной и духовной жизни, нарушение преемственности национальных идеалов и ценностей, демонтаж исторической памяти. Информационное давление, осуществляемое постоянно и непрерывно, способно повреждать скрепы, собирающие людей в народ, убирая традиционные и имеющие

<sup>1</sup> См.: Containment. Documents of American Policy and Strategy 1945–1950 / ed. by T. Etzold, J. Gaddis. – N. Y., 1978.

<sup>2</sup> Зиновьев, А. На пути к сверхобществу. – М., 2000. – С. 445.

<sup>3</sup> Цит. по: Почепцов, Г. Г. Информационно-психологическая война. – М., 2000. – С. 110.

<sup>4</sup> См., например: Кара-Мурза, С. Матрица «Россия». – 2-е изд. – М., 2010. – С. 58.

ценность точки его сборки. Развенчиваются культурные достижения народа, подвергаются некорректной критике и даже осмеянию традиционный образ жизни, культурные герои нации. Слом культурного самосознания означает конец идейного сопротивления. Наконец, меняется тип и стиль управления, происходит подмена национальных интересов и целей государственного развития. Двойной и особый ущерб противнику наносится с помощью организации «утечки мозгов», когда научно-культурная потеря значительного числа специалистов сочетается с утратой экономической – затраченных средств на их подготовку. Полный успех в выполнении всех поставленных задач достигается в случае, если удастся обеспечить себе помощь правящей элиты противника, что достигается комбинацией самых разных средств и дополняется созданием групп, именуемых «агентами влияния».

Информационно-смысловой удар дезориентирует человека; информационно-эмоциональный – разрушает его способность к адекватному восприятию, делает нечувствительным либо раздражительным; информационно-нравственный – разрушает в человеке прежние нормативные представления о добре и зле, и, наконец, информационно-исторический удар приводит к тому, что человек перестает понимать, кто он, и начинает забывать свои корни. Человек теряет все свои оболочки, наращённые в нем культурой, и оказывается лишенным традиции и почвы атомом. Атомизация общества превращает людей в скопление равнодушных, которые перестают что-либо испытывать и реагировать. Пассивный конформизм массы помогает воплотить в жизнь антиутопийные фантазии, выведенные Дж. Лондоном в «Железной пяте», Дж. Оруэллом в его «1984».

Говоря о многообразии форм информационной войны, можно выделить несколько ее разновидностей. Так, ряд специалистов (к их числу относится большинство отечественных исследователей) говорит об информационно-психологической войне, другие считают более правомерным называть подобную войну психолого-политической, а также просто информационной. При этом сама информация становится действительно информацией, а не информационным шумом, только если она воспринята и так или иначе осознана (понята, проинтерпретирована). Следовательно, информация должна быть подана так, чтобы привлечь внимание, зацепить эмоции, заинтересовать. В свою очередь, развивается и сама

наука об информации, разрабатываются *психотехнологические* основы ее моделирования, исследуются *ноотехнологические* особенности человеческого интеллекта, изучается *соматотехнология* информационного воздействия (особенности использования сигналов, цвета, звуков как значимой информации). При этом всякая информационная война остается войной *программ*, которые понимаются не только в узкоспециальном смысле, но и в широком, общекультурном.

В арсенал используемых средств при этом входят как простейшие приемы – типа лжи, повтора, специального структурирования информации, ее дозирования и коллажирования и т. п., так и сложные – в виде построения сложных мифов, параллельных моделей мира, а также непосредственные подрывные информационные акции. Исследователи, полагающие, что при определении информационной войны необходимы уточнения, правы в том отношении, что даже простая *ложь* не должна быть слишком откровенной. Она должна быть завуалирована каким-то демагогическим приемом, когда, например, варварские бомбардировки именуется гуманитарными, когда используются заведомо некорректные логические схемы: например, часть выдается за целое; то, что справедливо лишь для какой-то определенной части, рассматривается как общее свойство или цель всего объекта; одна сторона или характеристика явления отождествляется с самим явлением в целом; временное и эпизодическое проявление феномена выдается за саму его суть; информация о факте подменяется его тенденциозным истолкованием, а сам факт выдергивается из времени и контекста. При этом одна ложь должна непрестанно сменяться новой ложью, создавая нагромождение информации, в котором прежняя ложь забывается до того, как сможет быть осмыслена и разоблачена. Повтор информации обеспечивает возможность ее подпорогового (происходящего в подсознании) суммирования, когда многократно повторенная ложь как бы «явочным порядком» делается очевидной истиной.

Это может быть специально подготовленная *дезинформация*, рассчитанная как на эмоциональное воздействие, так и на отвод общественной энергии и средств по заведомо ложным направлениям. Это могут быть специально организованные *утечки* информации, преследующие либо провокационные или разведывательные в плане общественных настроений цели, либо цели отвлекающие,

когда утечка гасит или разряжает накапливающееся в связи с определенной ситуацией недовольство, либо дезорганизуемые, когда деятельности придается ложный вектор. Это могут быть и весьма сложно организованные системы хитроумно структурированных *блефов, мифов*, специальных конструкций, использующих знание психологии и играющих на определенных человеческих качествах, надеждах, опасениях и пр. Так, например, широко известны примененные против России блефы СОИ, саморегулирующегося рынка, изначальной порочности планирования (хотя специалисты утверждают, что, например, даже элемент планирования будущего в западной парадигме жизни<sup>5</sup> выражен гораздо сильнее, чем у нас), жизненной необходимости кредитов МВФ (который не одну страну поставил на грань общего банкротства и выполнение рекомендаций которого на Суде Арбитров в Мадриде приравнено к геноциду) и т. д. Так, например, американские военные, чтобы заставить русских поверить в успешный запуск ракет МХ по программе «звездных войн», организовали передачу на советские спутники фальшивых телеметрических сигналов<sup>6</sup>. (Кстати, в самих США «звездные войны» также стали объектом манипулирования общественным мнением собственной страны: ученые обсуждали достоинства и недостатки проблемы реализации СОИ, экономисты – ее стоимость. В то же самое время многие американские ученые, включая такие авторитеты в военной науке, как генерал Дж. Абрахамсон и бывший министр обороны США К. Уайнбергер, сами не верили в возможность реального осуществления столь экзотического и дорогостоящего – более 3 триллионов долларов – проекта.)

В целом блеф можно определить как системную дезинформацию, имеющую определенную развивающуюся интригу, вокруг которой искусно наращивается корпус фактов, лжи, организованных утечек информации и т. п. Целью ее является оказание воздействия на процесс принятия человеком решений, на сам ход его рассуждений, содержание делаемого им вывода. И хотя человек делает выводы сам, уже в *исходных посылках* содержится встроенная в них дезинформация. Подобного типа информация, вбрасываемая в общественное сознание, в зависимости от ее серьезности и уровня значимости, к которому она апеллирует, может вызвать не только

<sup>5</sup> См.: Манхейм, К. Диагноз нашего времени. – М., 2010.

<sup>6</sup> См.: Демкин, С. Секретные страницы. – М., 1999. – С. 238.

простое беспокойство в обществе<sup>7</sup>, но и дезорганизацию в работе целых общественных групп и структур. Будучи направлена на определенную цель, она способна вызвать и изменение путей развития целых стран и континентов.

Особое место здесь занимают непосредственные подрывные акции, проводимые как специальными действиями, так и путем построения ложных моделей. Например, это может быть дискредитация наиболее перспективных направлений в научных исследованиях и развитии технологий, доведение до абсурда дельных начинаний и одновременное поощрение тупиковых ветвей развития, настойчивое проталкивание сомнительных проектов и инициатив. Это может быть компрометация наиболее перспективных людей в руководстве и их устранение с помощью вброса сфабрикованного компромата с одновременным продвижением на руководящие посты и последующей поддержкой заведомо некомпетентных людей. Это может быть создание и поддержание в обществе напряжения и противоречий путем искусственного сталкивания интересов, использования разного типа неоднородности общества для обострения социальных отношений и т. п. Характеризуя результаты холодной войны, известный советский философ и бывший диссидент А. Зиновьев пишет: «Педантично используя идеологически-психологическое оружие в течение более сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) деморализовал советское общество, и прежде всего – его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию»<sup>8</sup>.

В то же время это могут быть и обычные технические операции, когда, например, хакеры одной стороны просто выводят из строя информационные системы противника. В свое время «хакерская культура» стала продуктом разработок специальной лаборатории искусственного интеллекта в Стэнфорде. Процент фиксации несанкционированных проникновений в информационные сети чрезвычайно мал и часто остается незамеченным вплоть до появления результатов подобных операций. Уничтожение, искажение или хищение информационных массивов, дезорганизация работы тех-

---

<sup>7</sup> Так, в свое время был запущен блеф о том, что СССР представляет собой угрозу глобального масштаба, ибо Черное море может взорваться от накопившегося в нем сероводорода и отравить Босфор и Средиземноморье.

<sup>8</sup> Зиновьев, А. На пути к сверхобществу. – С. 446.

нических средств, телекоммуникационных сетей, а также деятельности управленческих структур и даже транспортных потоков – все это также входит в понятие информационных войн, имея важную техническую составляющую. Информационное вмешательство в управление технологическими процессами может иметь результатом и инициирование крупных техногенных катастроф на территории противника.

Многоходовые комбинации подразумевают сочетание разных типов информационных воздействий, с помощью которых сознание увлекается, дезориентируется, направляется на нужный манипулятору ход рассуждений и подводится к заранее запланированному выводу. Подобные конструкции основываются на хорошем знании психологии, национальных особенностей ментальной системы, преобладающих в общественном сознании идей, образов, представлений. Осуществляется своего рода перепрограммирование, успеху которого способствует «снижение качества профессиональной и общей подготовки элементов системы с одновременным резким омоложением сферы управления, что упрощает процессы перепрограммирования»<sup>9</sup>. Способствуют этому дезорганизация системы образования, внедрение чуждых национальному менталитету и традициям принципов и схем обучения, установка на модели, разрушающие способность к логическому или творческому мышлению, примитивизирующие и сам процесс обучения, и мышление. Это и распространенная и поощряемая практика дилетантизма, основанная на люмпенизации профессионалов, разрушении и дискредитации самого профессионального мышления, инфантилизации ментального процесса. Тогда стираются различия между наукой, которая дискредитируется, и утопией, а логику заменяет постмодернистский дискурс. Наука перестает быть авторитетом, ее статус и престиж необоснованно падают.

Трансформация системы представлений и мотиваций личности изменяет ее отношение к жизни, что создает способ управления жизнью через сознание, наполненное нужными смысловыми матрицами, оживающими в соответствующих идеях и образах. Наполнение, структурирование, организация сознания становятся специальным видом властных технологий: меняя одну матрицу на дру-

---

<sup>9</sup> Расторгуев, С. П. Информационная война. – М., 1998. – С. 261.

гую, можно заменить содержание «жизни», протекающей в проложенных матрицей рамках. Так, искажение исторического прошлого, изменение смысловых и нравственных акцентов в оценке исторических событий в известной степени изменяет исторический облик нации, ставя под сомнение предметы ее национальной гордости. Если отдавать себе отчет в том, что историческое прошлое народа, память о нем, почитание этой памяти есть основа и самосознания народа, и ощущения им себя в качестве *единой* общности, то подобный пересмотр истории предстает как информационная война с исторической укорененностью культурного самосознания. Таким образом, информационная война имеет и свое историческое измерение.

Современные информационные технологии позволяют поновому объединить людей, фактически абсолютно их разъединив, разложив общество на человеческие атомы, превратив его в гоменизированную мегатолпу индивидов, которых ничто не объединяет, ибо искусно введены сложные системы *разделения*, не позволяющие людям осознать свою общность с другими. Атомизация общества, основанная на стимулировании крайнего индивидуализма, фабрикует атомизированного массового человека, растворенного во *внеациональной* культуре, лишённого традиционных религиозных ценностей, социальных привязок и ориентиров. Это своего рода нравственно-психологический люмпен с анестезированной телевидением душой. Поэтому речь при этом может идти не о едином человечестве, но лишь о формировании человеческой *мега-толпы*, послушной управлению мегавласти. Управляемая часть мирового населения должна быть приведена к состоянию гомогенной массовидности, оглушенной и зомбированной для удобства управления ею. Для этого, в частности, существует современный масскульт и система так называемых «реалити-шоу» (типа «За стеклом», «Голод», «Дом» и др.), развлекательных передач (типа «Камеди клуб», «Ты не поверишь» и т. п.).

В то же время способность манипулировать сознанием через создание нужной картины мира, казалось бы, с одной стороны, упрощает проблему управления, но с другой – наталкивается на порождаемую этим расхождением между реальностью и ее «картинкой» разорванность восприятия и понимания, то есть на определенную шизофренизацию самого сознания, на связанные с этим



дефекты рациональности, воли, адекватности восприятия и действия. Вследствие этого может создаваться впечатление, будто современная культура располагает меньшим и худшим генетическим материалом, чем прежние эпохи. Однако, как справедливо замечает А. Зиновьев, «это не значит, будто гении перестали рождаться. Они рождаются. И может быть, в большем числе, чем ранее. Но в условиях современного общества они просто не имеют возможности проявиться в качестве таковых...»<sup>10</sup>. Однако общество, которое не способствует развитию человека и его креативности, которое не способно создать условия для раскрытия человеческих возможностей и талантов, есть фактически самоубийственное общество, ибо будущее ныне определяется не идущими к своему исчерпанию материальными ресурсами, но неисчерпаемостью природы самого человека, который должен иметь возможность ее реализовать; человеческий капитал есть самый надежный способ вложения средств в обществе, которое хочет выжить и преуспеть.

Информационным способом воздействия, обращенным к самим основам формирования картины мира в сознании, является *фальсификация языка*, то есть такое умышленно неправильное использование слов, при котором искажается их исходный смысл, причем искажается не случайно, а с целью определенным образом изменить содержание мысли или образ мышления. Так, замена нейтральных обозначений предметов и явлений их ненормированными синонимами образует отчетливое снижение уровня их восприятия и оценки. И если назвать наемника контрактником, это хотя и не изменит дела, однако позволит затушевать изменение характера армии, ставшей не народной, а наемной, то есть служащей не за национальный интерес, а за деньги и хорошо показывающей себя только в войнах колониальных и карательных. «Плюрализм», совмещающий несоединимое, приравнивающий несопоставимое, порождает ощущение абсурдности происходящего. Так, стало обиходным словосочетание «гуманитарные бомбардировки» (так сказать, войны, ведущиеся альтруистами и филантропами, готовыми силовым способом утверждать «гуманитарные ценности»); по этой логике не меньшими гуманистами-филантропами выглядели бы людоеды, которые – по-своему – тоже очень любят людей. Утрата

---

<sup>10</sup> Зиновьев, А. На пути к сверхобществу. – С. 588.

контроля над семантическими категориями, произвольность и даже девиантность смысловых ассоциаций свидетельствуют не только о деградиционных процессах в сознании, но и о намеренной деформации мыслительного пространства. Таково, например, употребление слова «фундаментализм» исключительно в негативном контексте и в неперменной связке со словом «терроризм». Но фундаментализм – это лишь стремление возвратиться к своим культурно-религиозным корням, к своим основаниям (фундаменту), к глубинным основам традиционного жизнеустройства, образа мышления и восприятия, что выступает, в общем-то, естественной реакцией на глобализацию, свидетельствуя о стремлении нейтрализовать культурное нивелирование обращением к аутентичным культурным истокам. Негативную роль может выполнять и не критическая замена слов родного языка словами иностранными. Абсолютной синонимичности не существует: слова обычно связаны с целыми «кустами» смысловых ассоциаций, психоментальных привязок, и замена слов может становиться заменой привычных культурных опосредований и смысловых апелляций, часто имеющих и традиционную укорененность.

Когда войной становится так называемая мирная война, имеющая своей составляющей направленность на культуру противника в различных ее проявлениях, то побежденный в результате принимает культуру победителя, то есть должен будет перевести свое восприятие мира на другую модель отношений с ним. Так, в результате мирно проходящей глобализации экраны ТВ и книжные прилавки большинства стран мира заполняются американской продукцией, часто третьесортной: боевики, телесериалы. По отношению ко многим странам это выглядит как углубление информационной войны, ибо предполагает пересмотр нравственных законов, духовных ценностей и самого образа жизни, традиционно составляющих непрерывность осуществления жизни того или иного народа из поколения в поколение.

Специфической для нашего времени с его возможностями мягкого воздействия на сознание, когда незаметно подменяются идеи и идеалы, становится проблема *ложной идентификации*, при которой изменяются или подменяются сами *критерии* идентичности. В результате массивного воздействия информационных техно-

логий и мифов человек начинает отождествлять себя с какими-либо лицами или группами вопреки действительной собственной социальной и культурной принадлежности. Идентифицирование своих интересов с интересами групп и людей, цели которых расходятся с его собственными, приводит к раздвоению восприятия: в своем реальном жизненном бытии человек по-прежнему остается со своей референтной группой, а сознанием своим оказывается вписан в систему совсем иных, иногда совершенно чуждых ему взглядов, интересов, представлений, образцов поведения. Включение механизмов ложной идентификации заставляет его добровольно участвовать в реализации часто просто вредных для него самого программ и целей. Подобная манипуляция сознанием помогает «заставить массы действовать в нужном направлении даже против своих собственных интересов, а в стане противника расколоть людей, заставить их встать друг против друга»<sup>11</sup>.

Когда человек в своих оценках и действиях руководствуется противоположными мотивами или чувствами, это ведет к расщеплению его сознания, или шизофренизации (об этом, кстати, как об объективной именно социально-политической, а не только психиатрической тенденции, свойственной современному обществу, писали постмодернистские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари). Современный контекст стимулирует шизофреническое состояние сознания. Психика человека подвергается глубокому деформирующему воздействию, оказываемому сопоставлением виртуального мира, который создается СМИ и рекламой, и реального мира, в котором он сам непосредственно живет. Разорванность сознания, смешение понятий, формирование какой-то виртуальной логики, органично включающей в себя абсурд, приводят к своеобразной утопизации самого сознания, которое становится неспособно осознать собственную утопичность. Деформация сознания, общий дух абсурдности, разрыв ментальной «топологии» пространства приводят к образованию своеобразных деградиционных воронок, которые затягивают в себя, поглощают целые участки действительности.

---

<sup>11</sup> Лисичкин, В. А., Шелепин, Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М., 2000. – С. 22.

В современном обществе также сознательно культивируется стихия иррационализма в неведомых ранее формах и масштабах; это не только как бы имманентный иррационализм, естественно свойственный потайным уровням человеческой психики, но иррационализм, *рационально* возвращенный и организованный. Технология этого раскручивания иррационализма представлена в постмодернистской философии. Это и бесконечная пародизация всего, что наиболее значимо, или «знаково», или дорого в культуре. Пронизывающий культуру дух пародии говорит не только об утрате чувства меры или вкуса, о дефиците собственно творческого начала, но и о готовности подвергнуть сомнению и осмеять любую традиционную ценность. Искусство и СМИ втягивают человека в нескончаемую игру, превращенную в основную форму жизни. Условность, конвенциональность всего, вплоть до действительности, – неперемненные атрибуты истолкования любых фактов жизни. Скандалы, шоу, карнавалы – все должно скрыть главное, отвлечь внимание от основных человеческих и социальных проблем. Непрекращающийся «карнавал» отодвигает на задний план сущностные, смысловые формы и проявления жизни.

Против сознания работает и повсеместная практика неразличения правды и лжи, черного и белого, ибо на самом деле «все относительно»... Подобные спекуляции на относительности всего – всех ценностей, истины, добра, красоты – дезориентируют человека и рожают у него неуверенность в своей способности правильно понять мир и ориентироваться в нем. Агрессия против сознания становится настоящей войной. Виртуализация, захватывающая и сознание, и саму жизнь, делает призрачной грань между реальным и вымышленным. Факт утраты человеком *адекватного самосознания* склоняет человека ко все более идеальным, символизированным формам выражения, как бы к развоплощению; с другой же стороны, он все более замыкается на вещественно-предметных ценностях и переживаниях, заземляется на «базовых», инстинктивно-чувственных пластах своего существования, провоцируется современной культурой на «оживление» древних, архаичных структур сознания и поведения.

В сфере социального поведения это определяет окончательный слом нравственно-психологических установок и ценностных координат. Так, требование справедливости занимает последнее место

в сегодняшней иерархии основных ценностей, ибо своей «неопределенностью» отвлекает от материальных доминант жизни в современном обществе. О стремлении построить «счастье для всех» говорят не просто как о невозможном практически, но *ненужном* с позиций *установочно-теоретических*. Ликвидировать бедность невыгодно, ведь это позволяет повышать интенсивность труда, выбрасывая несогласных в категорию безработных. А. С. Панарин в работе «Реванш истории» определяет такую установку как «расистскую презумпцию», оправдывающую обеднение и люмпенизацию большинства населения во имя удобств «элиты», людей «высшего, демократического типа».

В глобализационном проекте существует понятие «нерентабельное население»; смысл его должен был бы заставить задуматься большинство населения стран второго и третьего мира (хотя ныне на Западе из соображений «политкорректности» предложено отказаться от термина «страны третьего мира» как внешне дискриминационного)... «Освобождение» планеты от «нерентабельного» населения задумано еще со времен Римского клуба (конец 1960-х гг.), ибо современные технологии, по прогнозам, сделают лишними 80 % нынешних людей. С 1974 г. США предоставляют другим странам помощь, только привязывая ее к программам сокращения рождаемости. Современный масскульт, искусно и повсеместно пропагандирующий нетрадиционную сексуальную ориентацию, поэтизирующий нетрадиционные возрастные предпочтения и извращенные семейные отношения, тем самым фактически работает на цели депопуляции. Программа депопуляции и преследует цели уменьшения нерентабельного (в мировом отношении) населения. Так глобализация обретает черты глобофашизма.

На фоне удивительных достижений науки, на основе совершеннейшей современной технологии оказалось воскрешено то, что казалось безвозвратно ушедшим в прошлое – рабство и торговля людьми, когда создаются целые интернациональные картели по продаже женщин, детей, человеческих органов, когда воскрешена пиратская практика похищений и заложников. Невиданный разбой и жестокость до патологии, привычный показ которых по ТВ развращает душу (знанием опыта, который человеку не нужен и даже противопоказан, ибо вызывает в сознании и душе необратимые деформации, а подобные деформации как сбои в программе поведе-

ния рано или поздно воплощаются во вполне предметном поведении), дают основание исследователям говорить о «вторичной варваризации» человеческого общества. Жестокость и цинизм становятся следствием отрыва человека от корней своей человеческой природы, следствием того, что жизнь как таковая перестает приниматься всерьез.

Культурная унификация в глобализуемых странах, национальное обезличивание, процессы управляемой деантропологизации человека приводят к подрыванию основ социальной жизни, к разрушению традиционных институтов ее организации: из-под них как бы выдергивается питающая и связывающая их корневая система, и теряющая укорененность структура национальной жизни начинает напоминать перепутанный клубок перекаати-поля. Очевидно, именно эту принципиальную утрату укорененности имел в виду Ж. Аттали, когда в своей книге «Линии горизонта» писал, что космополитизация человечества как главная цель организации нового мирового порядка сделает основной характеристикой психоментала дух и настрой кочевничества; кочевничество станет высшей формой нового общества. У новых «кочевников» не будет ни чувства Родины и родной почвы, ни веры предков – только желание «хлеба и зрелищ», представленных, конечно, в современном, то есть информационном, варианте.

Итак, осуществление власти приобретает дотоле невиданные формы: управление сознанием; «наведение» эмоций; дирижирование управляемыми конфликтами; «коррекция» численности населения и т. д. При этом власть становится все более отчужденной и анонимной. Многие политические деятели на Западе, в том числе бывший посол США в Москве Джордж Кеннан, утверждали, что в этом мире самые важные решения принимаются неизвестно кем, и неизвестно к кому следует обращать претензии или критику. Невидимый «большой брат» (или Комитет 300<sup>12</sup>) держит в своих руках нити судеб всех живущих, ибо, как сказано в легенде о великом инквизиторе у Достоевского, «кому же и владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их».

Возможно, главной идеей информационной войны за новый порядок власти является создание у людей субъективного ощущение

<sup>12</sup> См., например: Колеман, Дж. Комитет трехсот. – М., 2007.

ния свободы при объективной несвободе. Подобная идея выражалась, в частности, великим инквизитором из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского; инквизитор считал необходимым умерщвление в человеке самого инстинкта свободы. Однако и свобода становится проблематичной, когда человек все более направленно превращается в *функцию*, для чего используются даже специальные препараты (например, бензедрин) для программирования человеческого сознания на определенную цель (в соответствии с движением от психотронного оружия – к психотропному).

И не собственность на средства производства, а собственность на средства информации будет определять новую форму власти. Как пишет представитель современной американской трансперсональной психологии Т. Лири, «вместо борьбы за территории и обладание сверхмощным оружием необходимо сфокусироваться на сознании, на едином поле мирового сознания»<sup>13</sup>. Именно сознание – главная цель агрессии и разрушения в современной информационной войне<sup>14</sup>. Это понимание как бы очерчивает параметры формирования нового тоталитаризма в его особенностях: подчинении культуры новым, не свойственным ей задачам.

Действительно, одно дело – строить единое человечество, как его представляли П. Тейяр де Шарден, Н. Н. Федоров, В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев, видящие цель будущего общества в формировании совершенного, гармоничного человека. И другое дело – управлять атомизированной и нивелированной массой в безнациональном глобализованном сверхгосударстве с гомогенизированным населением, становящимся некоей единой мегатолпой. О перспективе подобного «планетарного века толп» писал французский психолог С. Московичи<sup>15</sup>, утверждая, что наработанные методы внушения, но уже в чрезвычайных масштабах всего информатизированного мира, могут стать основой утверждения нового, невиданного тоталитаризма. Недифференцированная толпа с шаблонным мышлением уже не рассуждает, но лишь повинуется стратегиям; неизбежным оказывается применение контроля и подавления, при

<sup>13</sup> Лири, Т. Семь языков Бога. – М., 2002. – С. 136.

<sup>14</sup> Вспомним, что и А. Даллес говорил, что США должны бросить всю свою мощь для войны именно с сознанием советских (тогда) людей – для подмены их ценностей, прославления самых низменных человеческих чувств и сторон их природы, создания хаоса в управлении...

<sup>15</sup> Московичи, С. Век толп. – М., 1998. – С. 450.

этом чем более деградированной становится масса, тем более жестким, неимманентным человеческой природе будет по необходимости способ управления. Это, в свою очередь, скорее всего усугубит положение, вызвав к жизни еще более тотальные техники контроля и даже *зомбирования*. Деграция человеческого сообщества (вспомним образ «человеиника»<sup>16</sup> А. Зиновьева) – таков, очевидно, будет итог «развития» общества с гомогенизированной культурой, с подавлением человеческой нормативности, с разрушением сознания, что не только дробит общество социально-онтологически, но и ведет к распаденю смысловых основ, определяющих саму его *социальность*.

То, что это не есть слишком мрачные или необоснованные фантазии, можно понять, обратившись к З. Бжезинскому. Он признает, что современный мир стоит накануне таких кардинальных преобразований, для которых и Робеспьер оказался бы слишком мягким человеком. Очевидно, такого человека имел в виду Ж. Аттали, когда в своей книге «Он придет» вывел героем нового глобализационного мессию, который и осуществит глобализацию до *логического конца*. Этот мессия одновременно явится и вождем глобального квазиобщества. И здесь напрашиваются аналогии с выведенным Вл. Соловьевым образом антихриста.

Итак, мы видим, что с развитием общества возникают новые специфические для очередных его этапов проблемы, конфликты и новые способы их решения. Современному состоянию общества соответствуют информационные войны, в которых и оружием, и средством поражения выступают культурные формы. Информационное оружие способно разрушительно воздействовать на сознание, ментальную сферу, логические структуры и связи, затрудняя возможность правильных выводов и адекватных оценок. Применение информационного оружия разрушает как коллективную память, так и выработанную культурой и социальной жизнью общую систему координат, в которой человек размещает полюса ценностей и антиценностей. Оно способно фрагментировать картину мира, извращать естественную (нормативно-культурную) иерархию смыслов и ценностей, смещать акценты нормальных человеческих интересов, разрушать эмоциональную жизнь. Усиление ощущения

<sup>16</sup> Зиновьев, А. Запад. – М., 2007. – С. 453–456.



абсурдизации жизни, что также является целью информационной войны, вызывает непрерывный психологический стресс, что тоже можно отнести к поражающим свойствам информационного оружия, нацеливаемого на создание состояния оглушенности бессмыслицей. В самом деле, человек фактически получает минимум информации при максимуме информационного «шума», ибо при всем избытке информации она столь разнородна, противоречива и так организована, что человеку практически невозможно отыскать в ней какой-либо смысл. Перефразируя известное высказывание, можно сказать, что «шум – все, смысл – ничто». Смысл здесь имеет лишь общая стратегия манипуляторов на оглушение аудитории. Системный подрыв традиций, норм, представлений приводит к тому, что сознание начинает представлять собой нечто вроде постмодернистской *ризомы* – децентрированное, размонтированное, безосновное образование, элементы которого и равнозначны, и равно лишены истинности, не будучи связаны ни логически, ни ценностно, ни причинно-следственно...

Следует ожидать (если не питать идеалистических иллюзий), что в современном глобализирующемся мире в поисках все более эффективных стратегий власти культура все шире будет использоваться для решения не только внешних по отношению к ней, но и прямо чуждых, даже враждебных ее сути задач, применяться во внекультурных целях и становиться средством нового разделения общества. Таким образом, новый способ расслоения общества – теперь уже в масштабах *всего* человечества – реально может пройти по последнему рубежу собственности – по интеллекту, по психоментальным характеристикам. Информационные войны должны довершить это последнее разделение мира – не только отделив богатых от бедных, но и «умных» от «глупых», «информационно продвинутых» от «неполноценных». И подобная идентификация (и что интересно – внушенная как *самоидентификация*) будет навязываться людям вполне культурными средствами. И этот способ расслоения общества в масштабах всего человечества опять же в духе жутковатой постмодернистской пародии напомнит предсказанные в Евангелии последние времена, когда «у имеющих много еще прибавится, а у имеющих мало – еще отнимется». Иначе говоря, «умная» управляющая элита (как она себя понимает) будет умнеть, а глупая управляемая масса должна и дальше глупеть.

Итак, мы в самом деле наблюдаем ситуацию, когда противостоящая новой «элите» масса с децентрированным сознанием, не способная к самоидентификации, живущая в призрачном мире фиктивных ценностей, превращается фактически уже в простую биомассу, которую для обеспечения порядка и спокойствия в обществе эта «элита» должна охватить поголовным контролем и системой неотступной манипуляции их сознанием, механизмы которой отработаны в информационных войнах и замаскированы новым безликим, безнациональным *уникультом*. В начале XX в. поэт О. Мандельштам писал: «Я человек эпохи беспредела...» Сегодня, в начале нового века, мы, наверное, уже можем сполна (по-новому) прочувствовать смысл этих слов.

Когда в культуре не остается решимости и возможности противостоять силе (любого качества и разновидности), когда разрушаются механизмы рационально-критического мышления, культура имеет тенденцию и опасность переродиться в антикультуру, становящуюся неизбежной основой и спутницей тоталитаризма. И это может стать новым, невиданным прежде *тоталитаризмом*, в котором мировая элита будет противостоять мировой массе, стремясь *любыми* средствами удержать ее в подчинении. И это будет действительно *новый*, особо изощренный и всеохватывающий, проводимый с применением новейших методик управления тоталитаризм, потому что его суть будет искусно скрыта и информационное прикрытие будет обеспечивать видимость состояния общества, противоположную тому, каково оно есть на самом деле. И это будет *особый*, действительно невиданный тоталитаризм, ибо, во-первых, прежние тоталитарные режимы были локальными, не охватывая мира *в целом*, а во-вторых, никогда прежде подобные режимы не имели столь мощного информационного обеспечения, которое незаметно, но повсеместно охватывало бы жизнь общества, обеспечивая манипуляцию общественным сознанием, начиная с исходного восприятия. Становление индустрии культуры, ставящей на поток программирование людей с помощью массового искусства, рекламы, программ ТВ, немецкие философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей «Диалектике просвещения» характеризуют как «наиболее изощренную и злокачественную форму тоталитаризма», ибо этот порядок чреват глобофашизмом. Ныне в мире не существует какого-либо альтернативного «центра силы» или противостоящего базового направления культурного развития, и потому объектом новых техник управления сознанием становится весь мир.

Крушение двухполюсной модели существования человеческого сообщества привело к формированию новой геополитической ситуации. Стремление победителя сохранить единственный центр силы в условиях истощающихся ресурсов с неизбежностью приведет к новому обострению борьбы за контроль над ними, к использованию в этих целях самых разных, в том числе нетрадиционных средств. Культура «победившего полюса», основанная на нормах и ценностях западного пути цивилизационного развития, то есть материальных ценностях, высоком стандарте потребления и т. п., может сохраняться и развиваться только за счет подавления других культур, ибо естественное, из себя исходящее поддержание прежних высоких стандартов потребления будет невозможно, если иметь в виду только собственные ресурсы. В этом варианте развития ситуации результатом может стать формирование единого мира, модель которого предложит (или навяжет) победившая сторона. И век XXI в самом своем начале вырисовывается как век силы, постепенно отбрасывающей прежние прикрытия и выступающей в достаточно грубых своих формах. Облетает позолота с прекрасных, но неискренних слов о правах человека и приоритете общечеловеческих ценностей, и из-под них вылезает древняя грубая сила, давление, являя все лицемерие либерально-демократической культуры.

Таким образом, используя культуру в целях манипуляции сознанием и для организации подавления рационально-критического мышления, можно целиком выпустить из-под контроля порождаемые происходящими процессами негативные тенденции, стихийное проявление которых способно вызвать в обществе коллизии, ведущие к распаду не только традиционных ценностей, но и понятия о ценностях вообще. Намеренно стимулируемые и расчетливо дозируемые в культуре разрушительные ситуации, управляемость которыми становится проблематичной, способны захватить общество, сделав человека культурно и духовно несостоятельным перед лицом им же созданной и накопленной сложнейшей техники. В результате не только сама социальная жизнь утратит опоры, но и человек может оказаться поражен новым видом психической мутации. Сначала незаметная дебилизация через гомогенизирующую пошлость, затем убивающая всякую адекватность зомбированность атомизированной толпы, затем и деантропологизация человека, а потом, возможно, и зоологизация его. Новая мировая элита втайне, безусловно, хотела

бы иметь народ, максимально удобный в управлении, и хотя на словах тоталитаризм неустанно и повсеместно предается ею анафеме, само искушение решать сложнейшие проблемы простейшими средствами всегда было признаком склонности к тоталитарному мышлению. Но современный сложный мир не может позволить человеку ни стандартного мышления, ни трафаретных правил действия. И здесь цели идеологов глобальной элиты кардинально расходятся с направлением естественной *эволюции человеческого рода*, которая требует, чтобы человек был творческим и адекватно, то есть постоянно и разумно, развивающимся существом. И хотя, как уже говорилось, в последнее время остро встал вопрос о защите от использования специальных психотехнологий, которые все шире включаются в арсенал средств ведения информационной войны<sup>17</sup>, тем не менее понятие собственно мира – в прежнем смысле защищенности, надежности – вообще как-то постепенно уходит из нашего сознания. Мир перешел на военный образ жизни. И идет тихая война – информационная: она объясняет, оправдывает, подготавливает сознание к возможности экономического, политического, военного и тому подобного вмешательства. Информационная война становится неотступной повседневностью жизни современного человека.

В заключение можно сделать вывод, что вопреки расхожим представлениям о том, будто идеологии теряют свое былое значение в условиях современного общества, реально ситуация оказывается иной, ибо, во-первых, многие понятия, претендующие на научность, на самом деле являются идеологическими: таков, в частности, сам термин «демократия»<sup>18</sup>. Во-вторых, рост технической и информационной вооруженности общества, становящегося все более массовым, делает проблему *идеологии* как никогда актуальной, ибо это проблема содержания духовного пространства. И, в-третьих, именно в духовном пространстве, в пространстве формирования метаценностей и метамотиваций, будет происходить самая напряженная информационная война, ибо здесь будут определяться содержание и облик будущего глобального сверхгосударства, цели его существования, будет решаться вопрос о способе управления им. И главное – будет осуществлен «человек будущий», как мы его себе представляем.

<sup>17</sup> См.: Смирнов, И., Безносюк, Е., Журавлев, А. Психотехнологии: компьютерный психо-семантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. – М., 1996.

<sup>18</sup> Зиновьев, А. Запад. – С. 189.